

УДК 1(091), 57 (572)

«РАСОВЫЙ РЕАЛИЗМ» И ПРОБЛЕМА РАСОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ю.Д. Гранин

ФГБУН Институт философии РАН, ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии»

Анализируются философские основания постмодернистских интерпретаций понятий «раса», «этнос», «нация», достоинства и недостатки парадигмы стратегического релятивизма. Рассматриваются сильные и слабые стороны «расового реализма», предлагаются пути решения проблемы расовой интеграции.

Ключевые слова: *идентичность, интеграция, постмодернизм, раса, релятивизм, сегрегация.*

В 1979 году генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев встретился с премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер. Тэтчер сказала, что отношения между двумя странами должны улучшиться. Брежнев пошел еще дальше, ответив ей: «Мадам, есть только один важный вопрос, стоящий перед нами: выживет ли белая раса».

Джерард Тэйлор «Белое самосознание»

Вне зависимости от того, был ли в действительности этот эпизод, вопрос об изменении расового баланса во многих государствах мира с каждым годом обретает новую актуальность. Еще недавно во Франции многие ведущие политики ратовали за расовое разнообразие. Так, например, в 2000 г. министр внутренних дел Франции Жан-Пьер Шевенман заявил, что Европа должна стать местом смешивания рас и что правительства должны приложить усилия, чтобы убедить европейцев принять этот факт. А спустя 7 лет оба кандидата в президенты Франции (социалист Сеголен Руаяль и консерватор Николя Саркози) поддержали эту идею. Однако многотысячные волны мигрантов с Ближнего Востока, Северной Африки и Афганистана, захлестнувшие Европу в 2014–2016 гг. и быстро превратившие многие страны благополучной Европы в «Новый Вавилон», отрезвили расовых оптимистов. Многих смущает не только экономическая нагрузка на национальные европейские государства, вынужденные содержать десятки и сотни тысяч иммигрантов, сколько откровенное нежелание последних интегрироваться в новую конфессиональную, социальную, политическую и культурную среду. Они предпочитают жить общинами, сохраняя собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах.

Разумеется, это случилось не вчера и было замечено всеми, кто задумывался над возможностями «самоупразднения» европейских государств в ходе тотального изменения их культурно-национального ландшафта (подробнее см. [3–5]). Но значительных политических последствий этот демарш интеллектуалов до сих пор не возымел. Даже регулярные террористические атаки не привели к пересмотру политического курса на толерантность и политкорректность, а, возможно, только укрепили его, «переведя стрелки» на ради-

кальный политический ислам. Кажется, подавляющее число политиков Запада просто не воспринимают всерьез проблему расовой интеграции и фрагментации (утраты, размывания) складывавшихся веками традиционных идентичностей, вызванную наплывом расово иных инокультурных мигрантов. Парадоксальным образом на демократическом и толерантном Западе исследования в области человеческого разнообразия, специфики интеллектуального потенциала, особенностей девиантного поведения, моральных и прочих ценностей представителей разных рас подвергаются яростным нападкам под предлогом «расизма» и по причинам, с наукой ничего общего не имеющим.

В настоящей статье я попытаюсь показать, что истоки расового дальтонизма многих политиков и интеллектуалов следует искать в лоне постмодернистского мировоззрения, провозгласившего отказ от поиска объективной истины и эпистемологическое равноправие дискурсов любого рода. В этой связи мною будут рассмотрены характерные черты противостоящего стратегическому релятивизму модернистского (сциентистского) по сути направления «расового реализма», некоторые представители которого предлагают пересмотреть распространенные практики человеческого общежития. Итак...

Исторической особенностью мировоззрения политических и интеллектуальных элит государств современной евроатлантической цивилизации, из которого выросли пресловутые «толерантность» и «политкорректность», можно считать его «постмодернистский» окрас. Характерной чертой этого мировоззрения, формирование которого началось на волне кризиса «старых» западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира – с другой стала установка на плюрализацию жизни и релятивизацию познания, поставившая под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна.

В социальных науках упор был сделан на «эпистемический поворот», характеризуемый отказом от парадигмальных образцов естествознания и равноправностью дискурсов любого рода. В исторических и социальных науках появилось мощное интеллектуальное направление «реориентализма»¹, объявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евроатлантической модерности» (отмеченной колониализмом и имперским различием) в пространство «глобальной истории», «контр»- и «транс»- модерности. Позволяющее, будто бы, создавать не менее эффективные, чем евро-атлантические, «эпистемы» анализа, теоретические проекты и модели развития, ведущие, как считают, постепенно к созданию иной – нерепрессивной по отношению к «отставшим» народам – глобализации [3].

Возможно, так и случится. Но настораживает одно обстоятельство: адепты так называемых постколониальных исследований сделали европейскую науку эпохи модерна (с ее фундаментальной установкой на объективность познания) ответственной за политические практики колониализма, к которым она не имеет ровным счетом никакого отношения. В частности, становление антропологии и этнологии свидетельствует об этом весьма убедительно: никто из выдающихся исследователей XVII – XX столетий, отмечая морфологические, психотипические и культурные различия между представителями различных рас и народов, тем не

¹ Преимущественно связанное с именами работающих в Европе, Японии и США ученых – выходцев с арабского Востока, Индии и Латинской Америки.

менее никогда не был замечен в политическом «расизме». Между тем сейчас ряд исследователей постмодернистской ориентации (Роджер Брубейкер, Фредерик Купер, Мара Лавмэн, Петр Стаматов, Дэвид Лэйтон и некоторые другие) предлагают кардинально поменять теоретический аппарат социальных наук, избавившись в том числе от понятия «раса», возникшего якобы в лоне европейской «народной социологии». Последняя формировалась под влиянием общественной (прежде всего политической) практики (основанной на представлении о неравенстве рас и народов планеты, о цивилизационном «бремени белого человека»), откуда будто бы научная (аналитическая) социология некритически и заимствовала эту категорию [1, с. 127]. Мало того. «Раса, этничность и национальность, – утверждает Брубейкер, – существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях – и только через них. Они не вещи в мире, а точки зрения на мир, не онтологические, а эпистемологические реальности» [там же, с. 153].

Разумеется, протест Брубейкера против наивного реализма и отмечаемая им зависимость содержания знания от языка исследования, испытывающего влияние культурно-исторического и социального контекстов, не могут вызвать возражений. Социальная реальность действительно конструируется не только посредством образующих теории и парадигмы категориальных сетей и методов исследования, но и в процессе нагруженных культурными смыслами восприятия и вербальной активности субъекта. Но констатация этого обстоятельства не снимает, а лишь актуализирует вопрос о наличии некоторого независимого (объективного) от субъекта содержания научного и вненаучного знания. Именно эта проблема, по моему мнению, осознанно выносятся «за скобки» рассуждений сторонниками постмодернистской эпистемологии, придерживающимися, в зависимости от предпочтений, релятивистской, конвенционалистской или прагматической концепций истинности социального знания.

Конечно, деконструкция и сопутствующее ей уточнение языка дисциплин, изучающих становление и эволюцию больших и малых социальных групп, сами по себе не могут вызвать возражений. И тем не менее аргументация необходимости отказа от традиционных, широко используемых понятий уязвима с точки зрения истории и философии науки. Например, повторю, Брубейкер неявно исходит из односторонней детерминации социальных наук общественной (прежде всего – политической) практикой, формирующей «народную социологию», откуда якобы научная социология некритически заимствовала понятия «расы», «нации», «класса» и другие «группистские» термины. Но относительная самостоятельность и обратное влияние науки на социальную практику автором не учитываются.

Например, термин «раса» возник еще в XVIII столетии отнюдь не в рамках народной социологии и не является только продуктом европейских колониальных практик, а появился в границах физической антропологии, которая, испытав на себе влияние культурных смыслов, тем не менее зафиксировала объективные антропологические различия между людьми. Цвет кожи, особенности строения тела, обменных процессов, наследственности и другие физиологические различия имеют объективный характер и ученые-антропологи, признающие, в отличие от Брубейкера, биосоциальный характер природы человека, эти различия учитывают. Так что «раса» была и остается компонентом «научной (антропологической) реальности» и отказываться от него только по-

тому, что его используют дельцы от политики, наука не спешит. Свидетельством тому набирающее силу в последние годы направление расового реализма, о котором стоит сказать особо.

Термин «расовый реализм» в его современной трактовке впервые был использован в начале 1970-х гг. известным американским психологом и генетиком Артуром Дженсенем (1923–2012), который указывал на биологическую реальность рас, различающихся физиологически, поведенчески, генетически и фенотипически. Этот подход сейчас разделяют такие известные ученые, как Дж. Филипп Раштон, Ричард Линн, Крис Брэнд, Фрэнк Зэлтер, Стэнли М. Гарн, Ричард Голдсби, Томас Джексон, Гедалия Браун, Вильм Боггс и, конечно, Джаред Тэйлор, которого по праву можно назвать «идеологом» расового реализма².

Разумеется, это направление исследований неоднородно. Общим является представление о том, что «существование рас имеет биологический и генетический базис». Однако ученые никак не могут договориться о том, что следует понимать под понятием «раса», сколько рас существует на нашей планете и как их классифицировать³. При этом одни исследователи определяют расы как «подвиды» или «популяции» одного вида *Homo sapiens*, тогда как другие исходят из того, что расы представляют собой отдельные «виды» общего рода «человечество». Так, например, известнейший американский антрополог Карлтон Стивенс Кун (1904–1981), автор знаменитой книги «Расы Европы» (1962), создатель «мультирегиональной концепции» происхождения рас, пришел к выводу, что разные современные расы произошли от пяти основных самостоятельных предковых форм в пяти географических зонах и в разное время.

Так что единства взглядов в среде современных антропологов по вопросам происхождения, числа и классификации рас нет до сих пор. Многие специалисты в области генетики и геномики, фиксируя незначительность генетических различий континентальных и субконтинентальных групп людей, ставят под сомнение продуктивность использования понятия «раса», правда, не вводя нового термина для дифференциации очевидного человеческого разнообразия, выраженного, помимо внешних различий, в различиях психики и поведения, в том числе – девиантного.

Последнее обстоятельство стимулировало многих специалистов продолжить исследования в направлении поиска биологических различий и антропологического подобия многочисленных рас (этносов), которые необходимо учитывать в социальной политике всех государств мира. Некоторые ученые обращали внимание и на генетическое подобие и генетическое различие, кото-

² С теоретическими взглядами этих мыслителей и результатами их исследований можно ознакомиться в антологии «Гонка со временем. Расовые ереси в XXI столетии» / пер. с англ. М. Диунова. (М.: Кучково поле, 2016). Книга представляет собой сборник избранных статей журнала «Американский Ренессанс», главный редактор которого – Д. Тэйлор – один из видных мыслителей и политиков США, принадлежащий к направлению «белых консерваторов».

³ Диапазон количества рас впечатляет: от трех до нескольких десятков. Наиболее распространенным является представление о наличии пяти «рас» – европеоидной, монголоидной, австралоидной, американоидной и негроидной. В качестве основы их дифференциации берутся различия в формах черепа, скелета, цвета кожи, запаха тела, форма века, носа, губ и ряда других характерных признаков, которые были зафиксированы и описаны еще в XIX столетии.

рое проявляется в инстинктивном (бессознательным) определении людьми тех, кто принадлежит к сообществу «своих», а кто нет. Исследования указывают на бессознательные процессы в головном мозге человека, которые отторгают людей, отличных от нас самих.

Для человека наиболее очевидным показателем генетического сходства является внешний вид. Индивиды одной и той же расы всегда генетически ближе друг к другу, чем к представителям других рас, и даже внутри одной расы физическое сходство, как правило, означает и генетическое. Многочисленные эксперименты убедительно показали: не только взрослые, но и дети лучше различают людей своей расы, чем других. Эта разница настолько хорошо известна, что психологи назвали ее «эффектом другой расы». В частности, Лоуренс А. Гиршфельд показывал детям в возрасте трех, четырех и семи лет картину «Джонни»: пухлощекый чернокожий мальчик в полицейской форме со свистком и игрушечным пистолетом. Затем он продемонстрировал им фотографии взрослых, на которых были две из трех основных примет Джонни: расовая принадлежность, телосложение и форма. Он подготовил все возможные комбинации – полицейские, которые были пухлыми, но белыми, худые черные полицейские и т. д., а потом попросил детей указать, кто на картинках – папа Джонни или Джонни, который вырос. Даже трехлетние значительно чаще выбирали чернокожих людей, а не толстяков или полицейских. Они понимали, что вес и род занятий могут измениться, но расовая принадлежность – никогда. После 15 лет исследований, профессор Гиршфельд сделал вывод: «Наш разум, вероятно, организован таким образом, что неизбежно делает мышление расовым. Знать, что человеческий мир можно разделить на дискретные расовые популяции, – почти неизбежная часть нашего образа мыслей» [13].

Когда белым дошкольникам предъявляли лица смешанной расы, которые выглядели злыми, они, как правило, говорили, что это лица чернокожих, но всегда классифицировали счастливые лица как белые. Так что «фильтры, через которые люди видят мир, присутствуют с самого раннего возраста» [14]. Филлис Кац, профессор в Университете Колорадо, изучала маленьких детей на протяжении первых шести лет жизни. В возрасте трех лет она показала им фотографии других детей и спросила, с кем бы они хотели дружить. 86 % белых испытуемых выбрали фотографии белых. Малышам в возрасте пяти и шести лет она давала фотографии людей и просила их сортировать их на две кучи по любым критериям, которые им нравились. 68 % производили сортировку по расовой принадлежности и только 16 % – по половой. Подводя итоги шестилетнего исследования, Ф. Кац резюмировала: дети никогда не демонстрируют расовый дальтонизм, чего от них ожидают многие взрослые, которые почти безошибочно и по минимальным признакам определяют расовую принадлежность. И поскольку за последние годы такого рода исследований проведено много, это приводит к выводу, что расовая идентификация является частью человеческой природы⁴.

Итак, каждый человек от природы является носителем наследственных расовых признаков, которые неотъемлемо проявляются в каждом виде его деятельности, в том числе и интеллектуальной. Признанным специалистом в области изучения уровня интеллекта различных рас является Ричард Линн –

⁴ Подробнее об исследованиях в области расовой идентификации см.: [11, с. 164–196].

профессор психологии Ольстерского университета в Дублине. Среди основных открытий, сделанных Р. Линном, следует отметить установление факта, что коэффициент интеллекта (IQ) коренных жителей Восточной Азии в среднем на 5 баллов выше, чем у европейцев (100), вне зависимости от места проживания испытуемых.

Им также впервые было показано, первоначально на японской популяции, что во второй половине XX столетия наблюдалось неуклонное повышение результатов психометрических оценок IQ. Впоследствии была показана универсальность этого явления, получившего название по имени новозеландского профессора Джеймса Роберта Флинна «эффект Флинна». В книге «IQ и благосостояние наций» (2002, 2006) (в соавторстве с финским ученым Тату Ванханеном) Р. Линн проанализировал проблему зависимости благосостояния и экономического роста наций от «национального» IQ. По результатам анализа данных для 185 стран он аргументированно показал вклад коэффициента интеллекта каждой нации в показатели ее экономического благосостояния⁵.

Один из вытекающих из работ Линна и Ванховена выводов состоит в том, что среднемировой IQ составляет в среднем только 90 баллов. Менее чем одна из пяти стран имеет средний IQ, эквивалентный или близкий к существующему в Великобритании (или в России), принятый за 100 баллов. Почти половина средних национальных IQ составляют 90 баллов или ниже. И поскольку IQ в 90 баллов является пороговым для поддержания технологической экономики, то это представляет серьезную проблему [15].

Выводы, содержащиеся в монографиях «*IQ и глобальное неравенство*» Ричарда Линна и Тату Ванханена [15] были подтверждены в исследованиях Дж. Филиппа Раштона, который изучал IQ в Сербии (у цыган или *рома*) и в Южной Африке (у выходцев из Восточной Азии, белых, выходцев из Южной Азии, цветных и негров). В частности, было обнаружено, что взрослые цыгане (от 16 до 66 лет) имели оценки IQ на уровне 10-летних сербских детей. Так что неудачи многих стран мира по адаптации цыган в контексте исследований Раштона становятся более понятными. Как и неудачи многих стран африканского континента в деле модернизации: средний IQ студентов инженерных специальностей и психологов из университетов Южной Африки был значительно ниже, чем у европейцев.

Свидетельствуют ли эти результаты об «умственной отсталости» (в том смысле, в каком это понятие используется в клинической психологии) южноафриканцев и цыган? Нет, считает Раштон. И вводит понятие «умственного возраста». По его мнению, уровень IQ в 70 баллов эквивалентен умственному воз-

⁵ В свою очередь «национальный» IQ зависит от расового состава каждой нации – группы популяций, интерпретируемых как «генетические кластеры», образовавшиеся более 100 000 лет назад после исхода хомо сапиенс из Африки. Более высокий IQ европейцев и аборигенов Восточной Азии (корейцы, китайцы, японцы) связан с более сильным давлением эволюционного отбора, которое в условиях холодных зим работало в сторону увеличения мозга, замедления скорости созревания, снижения уровней половых гормонов и влияло на все остальные характеристики жизненного цикла человеческой популяции. Теорию «холодных зим» поддерживает корреляция на уровне 0,62 между средним объемом черепа и расстоянием проживания от экватора, полученная на материале 20.000 черепов. Не случайно наименьшие средние значения были обнаружены у африканцев районов Африки южнее Сахары (IQ = 67) и австралийских аборигенов (IQ = 62). Самые низкие оценки получили бушмены пустыни Калахари.

расту в 11,2 лет. Так что размах умственного возраста в Африке составляет от 7 до 16 лет со средним в 11 лет. Взрослые белые, для сравнения, имеют средний умственный возраст от 11 до 24 лет со средним значением в диапазоне примерно в 17 лет. А у афроамериканцев, имеющих приблизительно на 25 % европеоидную родословную, средний IQ составляет 85 баллов, что эквивалентно умственному возрасту примерно в 14 лет со средним размахом от 11 до 16 лет.

Кажется, эти и многие другие результаты исследований должны, по меньшей мере, быть учтены во внутренней политике Европы, Канады, Австралии и США. Но ничего подобного не происходит. Наоборот. В полном соответствии с идеей постмодернизма о культурном и расовом плюрализме в этих странах продолжает процветать политика «расового разнообразия», расового смешивания и расовой интеграции. Особенно она характерна для США, где начиная с 1965 г., после вступления в силу закона Харта – Селера (более известного как закон об иммиграции и гражданстве), отменившего установленные еще в 1924 г. национальные иммиграционные квоты, которые должны были сохранять европейский характер населения США, доля белого населения снизилась с 89% почти до 64 %. По прогнозам ученых, оно станет меньшинством уже к 2039 г. среди людей трудоспособного населения⁶. Что это будет значить для США? По мнению Дж. Тэйлора, это будет означать не только крах Америки в качестве мирового экономического лидера, но и превращение ее в страну «третьего» мира. Рассмотрим его аргументы.

Отмечая, что США является единственной страной в мире, население которой увеличивается примерно на 1 млн. 300 тыс. человек в год за счет инорасовой иммиграции из Латинской Америки и Азии, автор подчеркивает, что эта государственная политика основывается на массовом распространении в среде политиков и бизнесменов якобы прогрессивной идеи «расового разнообразия»⁷. Однако прогрессивность политики расового и культурного разнообразия, о которой постоянно твердили все президенты США, начиная с Билла Клинтона, по мнению автора, не более чем миф. Разнообразие не снимает, а обостряет межрасовую напряженность и конфликты в американских городах, школах, университетах и тюрьмах.

Представители разных рас предпочитают не смешиваться, «жить наособицу»: на протяжении последних десятилетий белые забирают своих детей даже из некогда престижных, прекрасно оборудованных школ, как только в них начинают преобладать латиносы, афроамериканцы или азиаты. В последние годы они вообще все чаще переезжают в другие районы мегаполисов и другие города, лишь бы жить в своей расовой среде. Их можно понять: они стремятся избежать даже не «культурного шока», а банального насилия – нападения на «белых» стали видом забавы в США, с непременной съемкой на видеокамеру. Так вместо провозглашенной, но провалившейся «расовой интеграции» спонтанно и естественно возникает «расовая сегрегация».

Причем последняя, показывает Тэйлор, отражает предпочтения всех расовых общин: независимо от уровня образования, социального и материаль-

⁶ В 2012 г. от всего населения США испаноязычные жители составляли примерно 16,5 %, афроамериканцы – 12,3 %, азиаты – 5 %, многорасовые американцы – 2,4 %.

⁷ Не только в государственных учреждениях, но и во многих фирмах были введены должности «директора по разнообразию».

ного положения чернокожие, латинос, представители монголоидной расы (корейцы, китайцы и др.) предпочитают жить, работать и отдыхать вместе и вдалеке от «иных». Так, например, в Южной Калифорнии, в которой белое население уже в меньшинстве (как и еще в пяти южных штатах), черные хотят держаться подальше от выходцев из Латинской Америки. «Они не любят музыку ранчеро и соседей, которые держат кур, а также тех, кто паркует автомобили на лужайке перед домом. Они негодуют, что футболисты захватывают общественные парки... Как написал один из читателей газеты "Филадельфия инквэуэр": «Нет ничего плохого в сегрегации. Большинство афроамериканцев в хорошем смысле хотят тех же общественных отношений, что и большинство белых. Мы не хотим, чтобы они жили в наших районах. Мы не хотим, чтобы наши дочери и сыновья вступали в брак с их сыновьями и дочерьми. Нет, спасибо... Нам не нужны чай, печенье и беседы у камина с белыми людьми. Мы не должны притворяться, что мы похожи друг на друга, чтобы иметь хорошие отношения» [11, с. 68–69]. Так что «уровень сегрегации» является универсальной биологической шкалой, иллюстрирующей суть множества процессов в обществе, в том числе уровень преступности и безработицы. С его помощью, считает Тэйлор, можно определять «кардиограмму» социального организма.

Повседневные реалии подтверждают правоту слов автора, ибо в США существуют, например, похоронные бюро и роддома, специализирующиеся по расовому признаку, вся система медицины также сугубо расовая. Даже гомосексуализм имеет расовую ориентацию, ибо билеты членов гей-клубов выдают по расовому признаку. Широко культивируются расовые конкурсы красоты и проводятся выборы инорасовых мисс США. В системе досуга широко распространены расовый юмор и расовые развлечения, «черное телевидение», к примеру, – это гигантская отрасль. Банковские базы данных составляются по расовому признаку, как и службы спасения и станции переливания крови. А в сфере политики манипуляции расовыми предпочтениями стали повсеместными.

Опираясь на результаты Бюро переписи, свидетельствующие, что вследствие низкой рождаемости белых они станут меньшинством среди детского населения США уже к 2023 г., Тэйлор констатирует, что «будущее США принадлежит преимущественно испаноязычным и чернокожим» [там же, с. 332]. И тогда Америка столкнется с рядом проблем, которые только лишь обостряются в последние годы. Среди наиболее значимых: 1) рост насильственных преступлений и повышение уровня коррупции; 2) распространение бедности; 3) снижение качества и уровня образования населения, и как следствие, качества «рабочей силы»; 4) падение значимости института брака и увеличение «неполных семей»; 5) ухудшение здоровья и деградация системы медицинского обеспечения; 6) изменение культурного облика Америки (в сфере языка и быта). Как демонстрирует автор, эти и многие другие проблемы имеют отчетливую «расовую окраску», подтверждаемую фактами государственной статистики.

Так, например, «данные Министерства юстиции показывают, что чернокожие совершают преступления и оказываются в заключении примерно в 7,2 раза чаще, чем белые, а выходцы из Латинской Америки – в 2,9 раза чаще... Такие преступления, как грабеж и разбой демонстрируют характерные расовые особенности – черные совершают их в 15 раз, а выходцы из Латинской Америки – чуть более чем в четыре раза чаще, чем белые американцы. Практически нет видов преступлений, которые чернокожие и выходцы из Ла-

тинской Америки не совершают в большем количестве, чем белые...» [там же, с. 353].

Несмотря на усилия государства и муниципалитетов, выделяющих расовые «квоты» и тратящих значительные суммы на подъем успеваемости в начальной и средней школах, латинос и афроамериканцы в несколько раз хуже учатся, чаще хулиганят и на порядок больше, нежели белые школьники, совершают развратных действий и преступлений⁸. Поэтому в школах южных штатов, где уже давно преобладают чернокожие и латиноамериканцы и где стоят металлодетекторы, просто опасно находиться: несмотря на бонусы от 5 000 до 10 000 долл., учителя бегут из этих учебных заведений. Не только из-за постоянных оскорблений и соображений безопасности, но и из-за понимания невозможности переломить ситуацию – их цветные ученики (за исключением выходцев из Азии) просто не желают учиться, хотя школьные округа тратят от 25 000 до 28 000 долл. в год на одного ученика.

Особенно впечатляет анализ Тэйлором «черного», «латиноамериканского» и «азиатского» расовых самосознаний, которые из года в год демонстрируют свою жизнеспособность, культивируя собственную идентичность и выстраивая собственные стратегии завоевания жизненного пространства. Еще С. Хантингтон 20 лет назад отмечал, что главные вызовы американской идентичности исходят от латиноамериканских иммигрантов, которые не желают учить английский и культурно ассимилироваться, продолжая сохранять собственную (мексиканскую, сальвадорскую и иную) идентичность и связи со страной происхождения. Тэйлор иллюстрирует этот тезис десятками современных примеров из повседневной жизни, результатами социологических опросов и фактами криминальной статистики. Особенно характерны в этом отношении американцы мексиканского происхождения, составляющие 66% всех выходцев из Латинской Америки. «Когда проводится одновременный опрос граждан и неграждан США мексиканского происхождения, то 55 % считают себя в первую очередь мексиканцами, 25 % – латиноамериканцами и только 18 % думают о себе только как об американцах» [там же, с. 248]. Правительство Мексики, отмечает автор, открыто разрушает американскую государственность, субсидируя и поддерживая нелегальную иммиграцию в США, поощряя отток из своей страны преступников, наркоманов и проституток.

На этом фоне «белое самосознание» выглядит удручающе. Несмотря на подсознательную привязанность к себе подобным, белые «не придают большого значения принадлежности к белой расе и не рассматривают таковую в качестве серьезной основы для принятия решений любого рода. Многие белые прилагали реальные усилия к тому, чтобы преодолеть расовую идентификацию и начать рассматривать других людей прежде всего как личностей. Они

⁸ Так, в 2003–2004 учебном году «ученики муниципальных школ Филадельфии совершили 310 развратных действий, 56 появлений в общественном месте в непристойном виде, 10 изнасилований или покушений на изнасилования и 86 других сексуальных преступлений. В Чикаго в 2008–2009 учебном году 37 учащихся муниципальных школ были застрелены». Муниципалитет, продолжает Тэйлор, выделил (дополнительно к 55 млн) еще 30 млн долларов на школьную безопасность и защиту школьников. «Несмотря на эти усилия, пять чикагских школьников были убиты уже в первые три недели 2009-2010 учебного года» [11, с. 344].

часто терпят неудачу в этом, но их священной целью остается расовый дальтонизм. Некоторые белые зашли так далеко за рамки расовой слепоты, что видят свою расовую принадлежность как однозначно делающую их виновными в чем-либо. Ни расовый дальтонизм белых, ни их отрицательное отношение к собственной расовой принадлежности не имеют аналога в образе мышления небелых, живущих в США» [там же, с. 299].

Размывание белого самосознания, по мнению автора, не естественноисторический процесс, а результат идеологии и политики «расового разнообразия» и «расового смешения», проводимых в жизнь многими политиками и интеллектуалами. От них, как и от законов, разрешающих небелую иммиграцию, надо срочно отказываться. Но возможно ли это в современных США и не поздно ли? Однозначного ответа автор не дает. В заключение своей работы он ссылается на профессора биологии Е. Раймонда Холла, который, считая человеческие расы подвидами вида «человек разумный», пишет: «Существование одного подвида человека, живущего вместе на равных условиях на протяжении долгого времени с другим подвидом, приводит только к катастрофе и исчезновению одного из них» [там же, с. 404]. Поэтому у белых есть лишь один выбор: «вновь обрести чувство расовой идентичности и решимость для поддержания своей численности, своих традиций, своего образа жизни – или кануть в Лету» [там же, с. 405].

Разумеется, отсутствие четких критериев различения «рас» и «этносов», а также налет биологического фатализма наличествует во многих работах представителей «расового реализма». В частности, присутствующее у ряда ученых отождествление рас с биологическими подвидами не находит точного генетического подтверждения. Поэтому в основном они опираются на результаты демографических исследований и статистики. Но даже эти данные убедительно свидетельствуют о грядущем глобальном исчезновении европеоидной (белой) расы, о существенных различиях в менталитете, интеллектуальных способностях, моральных предпочтениях и поведении представителей разных рас. Не будем гадать, как сложится история человечества в условиях глобального доминирования монголоидной и негроидной рас. Скорее всего, люди научатся жить вместе, и евроатлантическая цивилизация и ее великая культура не исчезнут. В том случае если, вопреки принципам постмодерна, человечество продолжит культивировать такую политическую форму жизни, как национальное государство [5; 6].

Судя по всему, расовая интеграция, даже за счет расовых смешений, невозможна. Но национальная интеграция полиэтничного и мультирасового населения не только возможна, но и доказала свою многовековую жизнеспособность. Апеллируя к «природе» человека, сторонники расового реализма подчеркивают базовый характер и устойчивость (на бессознательном уровне) расовых идентичностей. Но они не учитывают того, что каждый индивид является носителем комплекса многочисленных, иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к «группе», содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них». В конечном счете идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструируемые – вербализованные результаты отнесения к

«воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»: политическими ландшафтами, информационными и культурными «пространствами», в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют.

Так что их можно менять благодаря целенаправленным усилиям государства, озабоченного построением «нации». При этом ошибочно также делать ставку лишь на гражданскую идентичность: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных *только* узами общего гражданства. И распадающаяся Украина тому пример. В действительности «*нация*» – это появившаяся лишь в XVIII – XIX столетиях *исторически новая общность людей*, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общей исторической памятью, общим языком, и общей культурой. Не только в США, но и в полиэтнической и мультирасовой России об этом следует помнить.

Надо продолжить начатый Путиным «консервативный поворот» в области культурного наследия, и, не ограничиваясь созданием единого федерального учебника по истории, единого государственного экзамена на русском языке, смело двигаться дальше, подавая пример Европе, которая под флагом культурного плюрализма в последние годы демонстрирует отказ от традиционных, в том числе христианских, ценностей. Ее спасение – в реанимации практики строительства национальных государств. Думаю, будущее – за полиэтническими национальными государствами. Лучше жить в отдельной квартире общего дома, чем в коммуналке.

Список литературы

1. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. Дом Высшая школа экономики, 2012. 408 с.
2. Вайханен Т. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме / пер. с англ. Д. Румянцева. М.: Кучково поле, 2014. 288 с.
3. Гранин Ю.Д. Что такое «глобализация»? // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 117–121.
4. Гранин Ю.Д. Глобализация или «вестернизация»? // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 51–64.
5. Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее: научное издание. СПб.: «Экспертные решения», 2014. 240 с.
6. Гранин Ю.Д. Сохранятся ли «национальные государства» в XXI веке? // Свободная мысль. 2015. № 2 (1650). С. 65–80.
7. Линн Р. Расы. Народы. Интеллект/ пер. с англ. Д. Румянцева. М.: АСТ, 2014. 384 с.
8. Линн Р. Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ / пер. с англ. Д. Румянцева. М.: Профит Стайл, 2010. 304 с.
9. Раштон Дж.Ф. Раса, эволюция, поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла / пер. с англ. Д.О. Румянцев. М.: Профит Стайл, 2011. 416 с.

10. Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности. М., 2010. С. 209–216.
11. Тэйлор Дж. Белое самосознание. Расовая идентичность в XX веке / пер. с англ. М.Ю. Диунова. М.: Икс-Истори; Кучково поле, 2014. 490 с.
12. Wilson E.O. Sociobiology: The New Synthesis // Cambridge Harvard University Press, 1975. 697 p.
13. Seeing Race // Michigan Today (Ann Arbor? MI). 1966. June.
14. Carpenter S. Buried Prejudice: The bigot in Your Brain // Scientific American. 2008. May.
15. Lynn R., Vanhanen T. IQ and the Wealth of Nations. Westport, CT: Praeger, 2002. 298 p.

«RACIAL REALISM» AND THE PROBLEM OF RACIAL INTEGRATION IN THE CONTEMPORARY WORLD

Yu.D. Granin

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Academy of the media industry, Moscow

The article analyzes the philosophical foundations of postmodern interpretations of concepts «race», «ethnicity», «nation», advantages and disadvantages of the «strategic relativism» paradigm. The strength and weakness of the «racial realism» are considered, solutions to the problem of racial integration are offered.

Keywords: *identity, integration, postmodernism, race, relativism, segregation.*

Об авторе:

ГРАНИН Юрий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор Академии медиаиндустрии, г. Москва. E-mail: maily-granin@mail.ru.

Author information:

GRANIN Yury Dmitriyevich – Ph.D., Professor, the leading researcher of Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, professor of Academy of the media industry, Moscow. E-mail: maily-granin@mail.ru.